

Предложные конструкции в унаследованном (эритажном) русском: корпусный анализ

Alina Lenhardt

Slavic Language Education

Ausgabe: 1/2021

DOI: <https://doi.org/10.18452/23202>

Herausgegeben an der
Humboldt-Universität zu Berlin
Institut für Slawistik und Hungarologie

ISSN: 2748-5226

Abstract:

Der Beitrag beschäftigt sich mit dem von der Norm abweichenden Gebrauch der Präpositionalkonstruktionen bei Herkunftssprechern des Russischen in Amerika, Deutschland und Finnland. Auf der Grundlage einer Analyse von Fehlern im Russian Learner Corpus kann die Autorin bei Herkunftssprechern zwei grundlegende Gebrauchsstrategien für Präpositionalkonstruktionen feststellen: die Lehnübersetzung als direkte Übernahme einer Konstruktion aus der dominanten Gebersprache und lexikalisch-syntaktische Neu-Konstruktionen. Dem Beitrag liegt die Annahme zugrunde, dass die Konstruktionsfehler in den Herkunftssprachen nicht zufällig sind, sondern verborgene kollokative und semantische Restriktionen der russischen Präpositionalkonstruktionen aufdecken, die ohne den Vergleich mit dem herkunftssprachlichen Sprachmaterial nicht sichtbar wären.

Keywords:

Herkunftssprache Russisch, korpusbasierte Lerner Sprachenanalyse, Fehleranalyse, Präpositionalkonstruktionen

Zitieren des Artikels:

Lenhardt, Alina (2021): Предложные конструкции в унаследованном (эритажном) русском: корпусный анализ, Slavic Language Education 1/2021, S. 90-114, DOI: <https://doi.org/10.18452/23194>

Предложные конструкции в унаследованном (эритажном) русском: корпусный анализ

Alina Lenhardt

Der vorliegende Beitrag beschäftigt sich mit dem von der Norm abweichenden Gebrauch der Präpositionalkonstruktionen von Herkunftssprechern des Russischen. Die methodische Herangehensweise zur Erforschung der herkunftssprachlichen Präpositionalkonstruktionen besteht in der Analyse von Fehlern (Normabweichungen) im Lernerkorpus (Russian Learner Corpus), das unter der Leitung von E. V. Rakhilina aufgebaut wird und in dem sowohl Texte der Herkunftssprecher als auch der Fremdsprachenlerner aus England, Deutschland, Frankreich, Finnland, Kasachstan und weiteren Ländern zu finden sind. Dem Beitrag liegt die Annahme zugrunde, dass die Konstruktionsfehler in den Herkunftssprachen nicht zufällig sind, sondern bestimmten Gesetzmäßigkeiten folgen, die sowohl der Herkunftssprache als auch der Sprache der Metropolsprecher eigen sind. Die Abweichungen in der Herkunftssprache decken verborgene kollokative und semantische Restriktionen der russischen Präpositionalkonstruktionen auf, die sonst bei der Analyse der normativen Daten mit Präpositionalkonstruktionen – ohne den Vergleich mit dem herkunftssprachlichen Sprachmaterial – nicht in Erscheinung treten.

Insgesamt kann die Autorin hinsichtlich der herkunftssprachlichen Präpositionalkonstruktionen bei Herkunftssprechern des Russischen zwei grundlegende Gebrauchsstrategien feststellen. Die erste Strategie ist die Lehnübersetzung als direkte Übernahme einer Konstruktion aus der dominanten Gebersprache. Die entlehnte Konstruktion wird in der Regel dann gebraucht, wenn ihre Semantik transparenter erscheint als die entsprechende Standardkonstruktion im Russischen. Die zweite Strategie ist die Nicht-Lehnübersetzung. Das sind solche lexikalisch-syntaktischen Neu-Konstruktionen, die weder im Russischen noch in der dominanten Gebersprache vorhanden sind, die aber die in der Herkunftssprache häufigen, grundlegenden Konstruktionstypen (z.B. Konstruktion des Pfads, Konstruktion der Übergabe usw.) offenlegen. Letztere sind nach Ansicht der Autorin auch in nichtstandardsprachlichen Varietäten anzutreffen, im prostorečie, bei Sprechern mit nicht vollständig erworbener Bildungssprache und auch in der Sprache der Kinder.

По оценкам демографов, за последние 100 лет из России эмигрировали около 20 млн. человек (Долгих 1995). Основными направлениями русской эмиграции являются европейские страны – Германия, Франция, Финляндия и др., а также США, Канада и Израиль. В результате, в этих странах сформировалась представительная русская диаспора, члены которой стремятся сохранить русский язык и культуру.

Несмотря на предпринимаемые меры для поддержания русского языка, в условиях интенсивного языкового контакта с доминантными/доминирующими языками (государственными языками стран иммиграции) русский язык эмигрантов неизбежно подвергается различным изменениям, которые отмечают как лингвисты, так и сами носители.

Появление иноязычных черт в идиоме эмигрантов ожидаемо, поскольку сферы функционирования русского языка в семьях русских эмигрантов ограничены – он используется только как домашний или тайный язык, в то время как в других коммуникативных ситуациях доминирует язык страны эмиграции (Polinsky 2006). В результате, русский теряет социальный престиж, уступая доминантному языку, и, как следствие, возникают условия для языкового сдвига (Вахтин/Головко 2004).

Влияние иностранного языка, прежде всего, отражается на фонетическом и лексическом уровнях. В результате интерференции носители русского языка приобретают акцент, их речь отличается обилием заимствований, калек, смешением функциональных стилей, а также наблюдаются случаи code-switching (Земская 2001; Караулов 1992; Красильникова 2001; Голубева-Монаткина 1999, 2004; Витцлак-Макаревич 2004; Павлова 2011). Кроме того, прослеживаются и некоторые преобразования в области грамматики – например, увеличивается число несклоняемых существительных, упрощается система склонения (Земская 2001: 88-90). При этом не все инновации в языке русской диаспоры являются собственно «эмигрантскими» – некоторые из них отражают общие тенденции изменения русского языка метрополии. Например, и в идиоме эмигрантов первого поколения, и в языке метрополии прослеживаются тенденции к ослаблению формального противопоставления падежей, что проявляется, в частности, в росте употребительности форм родительного падежа множественного числа с нулевой флексией (*н-р, несколько грамм, башкир, грузин* – см. (Гловинская 2001: 475-480).

Более значительные изменения происходят в языке второго поколения эмигрантов. Русский язык детей эмигрантов значительно отличается от языка родителей, поскольку дети осваивают родной язык в условиях иноязычного окружения. Действительно, инпут (речевая среда) второго поколения эмигрантов редуцирован по сравнению с инпутом носителей, живущих в России, и, таким образом, идиом детей эмигрантов формируется при значительном влиянии иностранного языка (Протасова/ Родина 2005].

Кроме того, исследователи отмечают, что дети эмигрантов постепенно всё реже используют родной язык, таким образом, второй язык становится для них основным языком (языком повседневного общения), а родной – дополнительным (Benmamoun et al. 2010).

В этих условиях эмигранты второго поколения владеют русским языком в разной степени. Только небольшая часть из них является стабильными билингвами, одинаково хорошо говорящими и на русском, и на доминантном языке (Дубинина/Полинская 2013). Наиболее представительной оказывается особая группа носителей – так называемых

эритажников¹ (heritage speakers), к которым относятся говорящие, родившиеся за рубежом или эмигрировавшие в дошкольном возрасте (до 8 лет) (Benmamoun et al. 2010).

Эритажные говорящие характеризуются как нестабильные билингвы, т. е. уровень владения родным языком у таких носителей значительно ниже, чем уровень доминантного языка. Как правило, активное изучение первого языка останавливается до подросткового возраста, затем эритажник использует в качестве основного только доминантный язык. В первую очередь, это связано с тем, что эритажники обычно не получают образования на родном языке (см. Протасова/Родина 2005). В результате, такие носители изучают грамматику русского языка только на основе речевого опыта без ориентации на стандарт, эритажники не до конца усваивают грамматику, лексические и прагматические нормы русского языка, именно поэтому эритажный русский значительно отличается от языка метрополии.

Не владея в полной мере типовым способом описания, говорящий выстраивает для себя упрощённую систему правил, которая не всегда соотносится с грамматикой русского языка. Значит, идиом эритажников подвергается большему влиянию доминантного иностранного языка по сравнению идиомом их родителей, которое отражается как на лексическом, так и на грамматическом уровне: в языке эмигрантов второго поколения наблюдаются многочисленные ошибки в словоизменении, согласовании, ошибки при релятивизации и т. п. (Pereltsvaig 2004; Polinsky 2006; Protassova 2007). Таким образом, эритажники составляют особую категорию так называемых нестандартных говорящих, идиом которых значительно отличается от общеупотребительного узуса метрополии (Мустайоки 2013).

Что же касается инноваций на лексическом уровне, в рамках эритажной лингвистики данная проблематика, на наш взгляд, изучена недостаточно. В основном, исследования в области лексики посвящены проблемам интерференции (калькирование, заимствования из доминантного языка), переключения кодов (code-switching), а также сокращению словарного запаса под влиянием иностранного языка (Aleeva 2012; Polinsky 1995; Протасова/Родина 2005).

Между тем, имеется ещё один тип нарушений, требующий исследования, – это изменения в конструкциях. Под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» (Fillmore 1988; Goldberg 2006; Рахилина 2008: 19), т. е. такой комплекс, в котором семантические и синтаксические элементы тесно связаны друг с другом. Можно предположить, что в ситуации двуязычия усвоение подобных единиц является одной из самых сложных задач. В отличие от грамматики, которую

¹ Пока нет общепринятого перевода для термина heritage language на русский язык. Самым простым вариантом является *унаследованный русский*, но он менее прозрачен. В статье (Рахилина et al. 2014) предлагается транслитерированный вариант *эритажный язык* (*эритажный носитель, эритажник*). В более ранних работах используется составной, и, как уже было сказано, громоздкий термин – люди с унаследованным русским (сокращённо ЛУРы), см. Дубинина/Полинская (2013).

можно задать набором правил, конструкции не запоминаются «списком», а усваиваются на основе речевого опыта – в процессе коммуникации, при чтении и т. п. Мы уже говорили, что инпут эритажного носителя редуцирован, поскольку эритажник находится в условиях, когда доступ к языковому материалу ограничен (*reduced input*). Именно поэтому он не может усвоить весь инвентарь русских конструкций, а значит, будет допускать ошибки при их использовании.

Можно предположить, что речевые отклонения в конструкциях носят случайный характер. Однако лингвисты, анализирующие ошибки, доказывают обратное – речевые сбои произвольны, в них также прослеживается некоторая система (Фрей 2006; Fromkin 1980; Кукушкина 1998; Подлесская/Кибрик 2005; Русакова 2013). Так, в работе «Грамматика ошибок» Анри Фрей показывает, что ошибки подчиняются более общим законам – закону аналогии, экономии речевых усилий.

Нарушения представляют собой ценный материал для лингвистических исследований, поскольку частотные отклонения маркируют слабые участки языковой системы, которые впоследствии могут быть подвергнуты изменениям, упрощениям.

Мы считаем, что эритажные ошибки в конструкциях также позволяют выявить интересные закономерности в унаследованном русском и русском языке метрополии. Нарушения эритажников не являются произвольными, а значит, однотипные ошибки позволяют обнаружить особые правила, регулирующие употребление конструкций унаследованного русского (Рахилина/Марушкина 2013). Кроме того, материал ошибок можно применять и для изучения стандартного русского, поскольку отклонения помогают выделить скрытые сочетаемостные и семантические ограничения, действующие в русских конструкциях. Такие правила обычно незаметны при анализе нормативных употреблений, в то время как случаи отклонений от них, характерные для эритажников, «высвечивают» эти закономерности.

Пока изменения в эритажных конструкциях не получили должного рассмотрения. Данной проблематике посвящено лишь небольшое число работ, см. Laleko (2010), Dubinina (2010), Рахилина/Марушкина (2013), Рахилина et al. (2014). При этом существующие исследования рассматривают только эритажный русский, распространенный в США.

Данная работа является продолжением изучения эритажных конструкций. В настоящем исследовании мы рассмотрим один из наиболее частотных типов ошибок, а именно ошибки в предложных конструкциях. Несмотря на высокую частотность, подобные нарушения практически не рассматриваются в исследованиях по эритажному русскому.

Наряду с материалом американского варианта унаследованного русского, мы привлекаем также данные немецкого и финского идиома эмигрантов второго поколения.

1 Материал исследования

Исследование проводится на материале Учебного корпуса русского языка (Russian Learner Corpus), разрабатываемого под руководством Е. В. Рахилиной (Rakhilina et al. 2016). Корпус включает эритажные тексты различных жанров (биографические рассказы, пересказ мультфильмов, блогговые записи, академическое письмо – сочинения, резюме, фрагменты курсовых работ и т. п.), а также сочинения студентов, изучающих русский язык как иностранный. Тексты сопровождаются метаразметкой, содержащей социолингвистические данные об авторе и информацию о тексте (возраст информанта, пол, возраст эмиграции, уровень владения языком, доминантный язык, жанр текста и т. д.), и имеют морфологическую аннотацию. На данный момент объём Учебного корпуса составляет ок. 1 млн. слов. Корпус включает в себя тексты эритажников и студентов РКИ, для которых доминантным языком является английский, немецкий, французский, финский, казахский и другие языки.

В рамках проекта разрабатывается параллельный подкорпус, аннотированный по типам ошибок (орфографические, морфологические, синтаксические и др.). В подкорпусе каждой словоформе исходного текста, содержащего ошибки, поставлен в соответствие исправленный вариант. В момент написания работы объём подкорпуса ошибок составлял ок. 200 тыс. слов.

2 Корпусный анализ

На материале Russian Learner Corpus (RLC) мы выделили два основных класса нарушений. К первому относятся ошибки, связанные с изменением управления предлога (п. 2.1) ко второму – случаи неверного выбора предложной конструкции (п. 2.2).

Наиболее ожидаемой причиной нарушений является языковая интерференция. Подобные инновации нередко возникают в речи двуязычных говорящих (Oldin 1989). Случаи калькирования отмечаются также и в работах, посвященных эритажному русскому (см. Polinsky 2010; Laleko 2010). Но, как отмечено в работе (Рахилина et al. 2014), особенность эритажников заключается в том, что эта категория говорящих в меньшей степени подвержена интерференции. Калькирование не является единственной стратегией эритажных говорящих, они стремятся использовать прежде всего средства родного языка, и часто это приводит к образованию новых конструкций.

Рассмотрим виды нарушений в предложных конструкциях, а также проанализируем типы стратегий эритажных говорящих.

2.1 Ошибки в предложном управлении

Наиболее распространённым типом ошибок, вызванных интерференцией, являются ошибки в управлении предлога. Результат языкового переноса зависит от типа доминантного языка. Если в доминантном языке отсутствует категория падежа, это

приведёт к появлению конструкций, где существительное при предлоге не получает падежного маркирования (см. примеры (1)-(3)). Примером такого языка является английский.

- (1) *из-за это уважение,*
- (2) *практика в издательская компания;*
- (3) *как иностранцы думают о русская национальность,*
- (4) *я думаю о рождество [RLC]*

Подобные ошибки характерны и для других нестандартных носителей в условиях англо-русского двуязычия – например, эмигрантов первого поколения, а также студентов, изучающих русский как иностранный. Ср:

- (5) – *А в Москве тебе есть где остановиться? – Да, это через... Муж моей матери.*
- (6) *Она вышла замуж за герцог... [эмигрант первого поколения, Земская 2001:90]*
- (7) *После реорганизации в педагогический институт университета создается филологический факультет (вместо в педагогическом институте). [L2, RLC]*

Наоборот, в случае, когда в языке иммиграции есть падеж, результат интерференции проявляется в изменении управления предлогов. Такие инновации характерны для немецких эритажных носителей. Дело в том, что некоторые предлоги в русском и немецком имеют разное управление. Выбор падежа во многом зависит от объемлющей конструкции, в которую входит предлог.

Например, и в русском, и в немецком глагол *написать* употребляется с предлогом НА. Если русская конструкция *написать на* имеет локативную интерпретацию, что выражается в использовании предложного падежа (*написать на стене/доске/коробке*), то в немецком *написать на (schreiben an)* рассматривается как глагол направленного движения, поэтому конструкция управляет аккузативом (*er schreibt an die Tafel* – букв. он пишет на доску). При несоответствии управления русской и немецкой конструкции эритажные носители калькируют модель управления конструкции доминантного языка.

- (8) *Очень строгие меры принимаются против курения например на пачку пишут Курение убивает.*

Перейдём к рассмотрению более частотных случаев – нарушениям в выборе предлога.

2.2 Ошибки в выборе предлога

Отклонения такого типа имеют разную природу. Во-первых, ошибки тоже могут быть вызваны калькированием, такие случаи связаны, прежде всего, с употреблением предлогов пространственной и временной семантики. Классической ошибкой такого рода является смешение предлогов В/НА и В/ПО, см. примеры (9)-(10).

- (9) *Эти фамилии понятны в русском языке но их совсем не возможно перевести в английский (от англ. translate into English) [RLC]*
- (10) *квалифицированные гиды ведут туристов в интересные и экологически благоприятные природные и культурные ландшафты. (от нем. in die Landschaften führen – букв. водить в ландшафты) [RLC]*

Во-вторых, значительное число нарушений связано с появлением не-калек или семантически мотивированных калек. Под семантически мотивированными кальками мы понимаем такие случаи переноса, когда иноязычная конструкция представляется более прозрачным и композициональным средством выражения значения, чем соответствующая русская конструкция с некомпозициональной семантикой (Рахилина et al. 2014). Примечательно, что подобные неологизмы появляются и при выборе предлогов и, в первую очередь, они обнаруживаются в конструкциях со сложной семантикой.

В классе не-калек наблюдаются разнообразные виды ошибок, которые мы условно делим на 2 класса: смешение синонимов и конкуренция падежной формы с предложной конструкцией.

Любопытные ошибки, вызванные смешением синонимичных предлогов, связаны с употреблением предлогов О и ПРО со значением темы. Несмотря на близкую семантику этих предлогов, в некоторых контекстах они не являются взаимозаменяемыми. Особенности семантики этих предлогов и случаи нарушения правил их употребления будут рассмотрены в пункте 3.

Следующую разновидность не-калек мы иллюстрируем на материале предлога ДЛЯ. Ошибки связаны с использованием предлога вместо беспредложных падежных форм. Такие нарушения бывают двух видов. К первому относятся те случаи, когда эритажный носитель заменяет падежную форму на квазисинонимичную предложную конструкцию, употребляя, к примеру, предлог ДЛЯ в функции датива. На первый взгляд, ничего удивительного в подобных примерах нет, т. к. русский язык допускает определённую степень вариативности: например, *приятный друзьям – приятный для друзей, полезный детям – полезный для детей*. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что дательный падеж и ДЛЯ обладают скрытыми семантическими параметрами, отличающими их друг от друга. В пункте 4 мы подробнее поговорим об этих нюансах.

Ко второй группе случаев принадлежат аномальные конструкции, в которых появление предлога абсолютно «незаконно»: в таких случаях эритажник восстанавливает предлог на месте беспредложной падежной формы, при этом предлог и падеж различаются по семантике. Прежде всего, замене подвергается генитив, обладающий множеством разнообразных² значений. Основным значением родительного падежа является отношение принадлежности, остальные значения могут сближаться с

² По выражению Лоры Янды, русский генитив мог бы войти в Книгу Рекордов Гиннеса по количеству значений (Janda 2002: 111).

другими семантическими зонами, в частности, значением цели. Существенно удалённые от основных семантически, периферийные значения генитива являются менее композиционными для эритажников. Именно поэтому носители унаследованного русского стремятся «прояснить» значение генитивных конструкций, используя семантически более прозрачные средства – в нашем случае, предлоги. В пункте 5 мы анализируем случаи замены родительного падежа предлогами цели (К/ДЛЯ), и, кстати говоря, аномального использования предлога О в конструкциях со значением темы.

2.3 Смещение синонимичных предлогов: предлоги О и ПРО

Хорошо известно, что предлоги О и ПРО очень близки по семантике и сочетаемости. В разговорной речи эти предлоги являются взаимозаменяемыми.

(11) Когда того требует дело, Вика может и не спать, и работать по двенадцать часов подряд, не думая про сон и отдых/о сне и отдыхе [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)].

Однако, как показано в работе Дубровиной, хотя О и ПРО очень близки по семантике и сочетаемости, предлоги синонимичны далеко не во всех контекстах (Дубровина 2004). Ср:

(12) Если говорить о стратегии/??про стратегию

(13) Я всё про тебя маме расскажу/??Я всё о тебе маме расскажу

Автор предполагает, что предлог ПРО может вводить не только валентность темы, но и валентность содержания, которая восстанавливается из контекста. В (13) валентность темы заполняется местоимением *тебя*, а валентность содержания определяется, исходя из контекста. В этом примере подразумевается некоторый негативный факт, связанный с участником ситуации.

Эритажный носитель может игнорировать сочетаемостные ограничения предлогов, это влечёт за собой появление ошибок. В примерах (14)-(18) заполняется только валентность темы. Действительно, в этих предложениях не сообщается о конкретных фактах или событиях. Именно поэтому ПРО аномально в этих контекстах.

Доминантный английский:

(14) Я всегда думаю про моих друзей

Доминантный финский:

(15) Много рассказывалось о Николае второго, но это естественно, так как он был последним из Романовых и про него осталось много документов.

(16) Смерть Павла I-ого потрясло, кажется, потому что про Павла я мало знала

(17) *Хотя фильм и был очень страшным, то все равно он был хорошо снят: красивая природа, хорошие актеры включая Вилле Хаапсало и я узнала много чего нового про историю*

(18) *я думаю про следующее лето, и про новое путешествие*

По-видимому, нарушения не связаны с иноязычным влиянием, поскольку в доминантных языках (английском и финском) маркеры темы не обладают столь тонкими семантическими различиями. Валентность темы и содержания выражается в этих языках с помощью одного средства – предлога (ср. англ. about) или падежа (фин. элатив или генитивная конструкция).

Значит, ошибки объясняются тем, что эритажные говорящие нарушают тонкие семантические ограничения конструкций О/ПРО. Такие отклонения характерны не только для двуязычных носителей – носители современного русского также не всегда различают эти предлоги в устной речи. Так, в примере (19), найденном в устном подкорпусе НКРЯ, предлог ПРО заменяет нормативный О.

(19) *Ни кола/ни двора/про дом размечтались!* [Дима, муж, 23] [Праздные разговоры // Из материалов Ульяновского университета, 2007]

2.4 Вариативность беспредложного датива и предлога ДЛЯ

Вначале сделаем важное уточнение: не все примеры, где предлог ДЛЯ заменяет датив, содержат ошибки. В ряде контекстов использование предлога допустимо, т.к. в русском языке конструкция с ДЛЯ и беспредложный дательный очень близки по семантике.

Доминантный английский:

(20) *даже если Интернет предоставляет какую-то информацию для читателя/читателю, читать эту информацию бывает трудно.*

Доминантный финский:

(21) *Я не вижу причины тому, почему бы я не могла получить или заслужить то, что для меня/мне важно.*

Прежде всего, общими для датива и предлога являются конструкции с глаголами передачи (дать, приносить, раздавать, одалживать, возвращать, оставить), а также прилагательные, имеющие дативную валентность (см. Сай 2011 (интересный, известный, важный, обязательный)).

(22) *Правда, он оставил родным/для родных записку, в которой указывал номер того самого джипа Land Rover.* [Екатерина ЛЕБЕДЕВА. Олег Митволь: «Моя

пожилую мать обвинили в похищении 18-летнего парня» // Комсомольская правда, 2011.03.01]

(23) ... работа скромных подвижников-реставраторов, художников из русской «глубинки» менее **известна для современника/современнику**, нежели борьба на политическом «Олимпе». [Григорий Грешневилов. Как выпрямляются колокольни (2003) // «Наш современник», 2003.06.15]

В этих конструкциях дательный падеж и предлог **ДЛЯ** маркируют либо роль реципиента – участника, получающего что-либо в результате действия (*оставить сыну квартиру, принести вещи для матери*), либо экспериенцера – участника, переживающего (или приобретающего) некоторое внутреннее психическое, ментальное, эмоциональное состояние (*роман интересен для историков, эта аудитория интересная рекламодателю*) (Fillmore 1968; Апресян et al. 2010).

Тот факт, что в русском при кодировании этих ролей используются одинаковые маркеры, не случаен, поскольку реципиент и экспериенцер обладают одинаковыми характеристиками: одушевлённость участника, отсутствие контроля и неполная вовлечённость в действие (Бонч-Осмоловская 2003: 58-60). Хотя датив и конструкции с **ДЛЯ** совмещаются при кодировании экспериенцера и реципиента, имеются некоторые нюансы, которые противопоставляют эти два средства даже в синонимичных контекстах. Разницу в их семантике иллюстрируют ошибки эритажных говорящих:

Доминантный английский:

(24) *Я пишу письмо **для мой друг*** (калька *to*)

Доминантный финский:

(25) *Навыки офисного работника так же **для меня знакомы*** (не-калька – в финском конструкция оформляется аллативом)

Примечание: в примере (25) имеются и другие ошибки, но мы ограничимся анализом аномальной конструкции с предлогом **ДЛЯ**.

Для выделения семантических параметров, различающих датив и **ДЛЯ**, мы обратимся к материалу НКРЯ. Корпусные данные свидетельствуют о том, что предлог **ДЛЯ** способен усиливать значение неполной вовлечённости реципиента в действие. Проиллюстрируем это утверждение на примере глагола *передать*:

(26) *В ходе разговора за чаем выяснилось, что гостя — жена Сахарова. Его имя было хорошо знакомо, в поездках за границу давали читать его обращение к правителям с идеями конвергенции. «Голоса» тоже часто упоминали — я их слушал регулярно, прорываясь через глушилки. Книжечку я передал для*

*Сахарова²²² Сахарову. Не помню, чтобы Боннэр приглашала зайти к ним.
[Николай Амосов. Голоса времен (1999)]*

(27) *Владимир Игоревич кинулся и осторожно, на вытянутых руках передал картину эксперту²²² для эксперта. Тот молча повернул ее, стал рассматривать подрамник и холст с оборота ... [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)]*

Предложения (26)-(27) описывают разные ситуации передачи объекта. В примере (26) говорящий передаёт книгу через посредника – жену адресата. В (27), наоборот, агенс осуществляет передачу объекта напрямую, из рук в руки. При этом замена дательного падежа на предлог приводит к аномалии, при появлении ДЛЯ предлог имплицитно участвует в акте передачи некоторого посредника.

Точно так же, подстановка дательного падежа вместо ДЛЯ в (26) вводит новую интерпретацию непосредственной передачи объекта.

Таким образом, семантический компонент опосредованности действия в большей степени проявляется у предлога ДЛЯ, нежели у дательного падежа.

Получается, что в предложениях (24)-(25) невозможность употребления ДЛЯ обусловлена непосредственным вовлечением в ситуацию подлинного реципиента, т.е. лица, которому адресован передаваемый объект. Как мы уже говорили, предлог способен вводить в ситуацию некоторого посредника, но в ошибочных примерах такая интерпретация представляется недопустимой. В (24) действие *писать* не предполагает участие третьего лица, а в (25), где речь идёт о ментальном процессе, включение дополнительного участника совершенно невозможно.

2.5. Замена падежной формы на предлог

2.5.1. Предлог ДЛЯ в позиции беспредложного генитива

Помимо компонента опосредованности действия, предлог ДЛЯ отличается также ярко выраженной целевой семантикой, ср. (28):

(28) *И много полицейских было переброшено для охраны станции [Анатолий Рыбаков.
Тяжелый песок (1975-1977)]*

Нам представляется, что та же самая семантика заложена в конструкциях с беспредложным генитивом. По крайней мере, некоторые из них обладают целевой семантикой. Например, сочетание *план курсовой работы* может иметь целевую интерпретацию – это ‘*план, составленный для курсовой работы*’.

Примеры из американского, немецкого и финского подкорпуса показывают, что эритажники склонны восстанавливать предлог ДЛЯ на месте нормативного родительного падежа:

Доминантный английский:

- (29) В договор входили восемь статей, излагающих **параметры для сохранения** культурного наследия (вместо *параметры сохранения*)
(30) запрещение этой картины стало **причиной для скандала** (вместо *причиной скандала*).

Доминантный немецкий:

- (31) Далее автор приводит **причины для заболевания человека** во второй части
(32) Одна из **причин для ухудшения здоровья детей** это школа состояние здоровья ухудшается в 4-5 раз

Доминантный финский:

- (33) В программе подробно описано основные **пункты, например для обучения родного языка**

Английские и немецкие аномальные примеры представляют собой результат калькирования. Ср: reason for, Grund für – ‘причина для’, parameter for – ‘параметр для’. В финских сочетаниях мы можем диагностировать не-кальку, т. к. в финском, как и в русском, в аналогичных контекстах используется генитивная конструкция.

В примерах с ошибками вершиной является абстрактное реляционное имя: *причина, параметр, пункт, программа, план (план для АЭС), организация (организация для социальной помощи)*. Эти лексемы имеют обязательный аргумент, представляющий собой предикатное имя, которое вводит некоторую ситуацию: *скандал, развитие, сохранение, отбор, обучение*.

В стандартном русском второй компонент конструкции оформляется беспредложным генитивом: *план работы, программа развития города*. Родительный падеж при этом выражает параметрическое отношение “сущность – параметр сущности” (Кибрик et al. 2004: 268-269), где сущностью выступает предикатное имя, а параметром – реляционное имя.

Первый компонент конструкции задаёт параметры ситуации, описываемой аргументом, только очень абстрактные. Например, в сочетании *критерии отбора* лексема *критерии* указывает на признаки, необходимые для осуществления действия, выраженного предикатным именем.

Получается, что компоненты конструкции связаны причинно-следственным или причинно-целевым отношением, а не отношением “часть-целое” в чистом виде, свойственным родительному падежу. И для выражения сложных семантических связей

русского генитива явно недостаточно, поскольку он не имеет выраженного значения цели.

Примечательно, что эритажник тонко чувствует лакуну в семантике генитива и стремится заполнить её, используя доступные для него языковые средства. Самым “подходящим” кандидатом для замены генитива оказывается предлог **ДЛЯ**, поскольку этот маркер отличается прозрачной целевой семантикой (*работать для общего блага, подготовить доклад для семинара*). Кроме того, предлог **ДЛЯ** указывает на назначение объекта (но обычно не абстрактного, а конкретного): *вагон для курящих, лак для ногтей*.

Следовательно, **ДЛЯ** обладает более композициональной семантикой. Именно поэтому эритажник заменяет генитив прозрачной для него предложной конструкцией.

Предлог **ДЛЯ** в качестве маркера цели/назначения способен замещать и другие, менее композициональные предлоги - например, предлог **ПО**

(34) Все кандидаты ... раскрывают чьи-то коварные **планы для уничтожения Америки** (вместо *планы по уничтожению*)

Аналогичная стратегия наблюдается и у других нестандартных носителей русского языка – например, студентов, не вполне уверенно владеющих русским академическим письмом. Тенденцию к замене генитива на предлог **ДЛЯ** в анализируемых конструкциях можно проследить на корпусном материале. Ср. примеры из “Корпуса русских учебных текстов”³:

(35) в первую очередь **материалы для исследования** должны быть посвящены России, ее внешней или внутренней политике

(36) Вместе с тем в энциклопедии по социологии отечественные авторы упоминают репликацию как важный **способ для обеспечения валидности научного исследования**

Изменения в падежном оформлении конструкции прослеживаются также в интернет-дискурсе. Но здесь альтернативным маркером выступает уже не предлог, а беспредложный датив. Согласно наблюдениям Я. Э. Ахапкиной, носители русского языка всё активнее заменяют нормативный генитив дательным падежом, ср: *целесообразность применению, фундамент рассуждению, причина возникновению стресса* (Ахапкина 2014).

Появление дательного падежа также неслучайно, т. к. датив отличается проспективной семантикой, которая проявляется, в частности, при глаголах приобретения.

Как показано в работе (Рахилина 1982 (2010)), в ситуации приобретения объект имеет два посессора – первым является участник, обладавший предметом до приобретения, вторым – участник, получивший этот предмет. Так, в предложении *Маша покупает Пете сапоги* актуальным посессором является продавец, а потенциальным – Петя. Как

³ http://web-corpora.net/learner_corpus

можно заметить, именно дательный, а не генитив маркирует потенциального посессора, ср: **Машиа купила Пети сапоги*.

Помимо проспективного значения, дательному свойственна идея предназначения объекта, характерная так же для предлога ДЛЯ. Данное значение реализуется в конструкциях вида *подарок бабушке, донос царю, рапорт капитану* (Рахилина 2010: 280-281), где второй элемент является не только посессором, но и адресатом. Заметим, что в этих конструкциях при замене датива на ДЛЯ значение не изменится: *подарок для бабушки, донос для царя, рапорт для капитана*. Наше наблюдение ещё раз подтверждает, что предлог ДЛЯ и дательный падеж имеют близкую семантику. И поэтому неудивительно, что в нестандартных конструкциях появляется не одно, а оба этих средства: датив – в интернет-дискурсе, предлог ДЛЯ – в академическом письме, речи детей и эритажников.

2.5.2 Предлог К в значении цели

Наряду с ДЛЯ, в русском языке имеется ещё один предлог с семантикой цели и назначения – предлог К (ср: *тезисы к докладу, печенье к чаю*) (Виноградов 1986; НОСС 2003). Основным значением предлога К считается пространственное значение конечного пункта, или цели перемещения, которое выражается при глаголах движения: *подойти к дому, ехать к бабушке*.

Семантика цели распространяется и на другие конструкции, не связанные с идеей движения⁴ – так, предлог К может указывать на мотив, цель совершаемого действия (*готовиться к экзаменам, приготовиться к бою*) или назначение предмета (*подарок к Дню Рождения*) (МАС 1984). Выступая в этих значениях, предлог К синонимичен предлогу ДЛЯ, нестандартно используемому в речи эритажников. Подобное anomальное поведение мы склонны ожидать и у предлога К.

И действительно, в Учебном корпусе отмечаются примеры, где предлог К замещает родительный падеж в конструкциях с семантикой назначения. Anomальные конструкции, как и в случае с ДЛЯ, являются мотивированными кальками (английский) или не-кальками (финский).

⁴ Помимо пространственно-темпорального и целевого значений, конструкция *Х к У*-у может выражать притяжательное отношение, при этом *Х* является частью, а *У* целым: *объектив к фотоаппарату, магазин к автомату, бусы к платью, туфли к пальто*. Согласно словарной статье И. Б. Левонтиной (НОСС 2003), первый элемент конструкции (*Х*) обозначает отторжимую часть предмета, обеспечивающую его функционирование (*объектив, магазин*), либо необязательную деталь (*бусы, туфли*). Другими словами, *Х* и *У* существуют независимо, хотя они, безусловно, связаны друг с другом. Е. В. Рахилина предлагает называть такую связь отношением *дополнительности*, в котором «первый член – допoлнитель – обозначает объект, второстепенный по отношению к объекту, обозначаемому вторым членом отношения». В наших примерах бусы дополняют платье, объектив – фотоаппарат, а не наоборот. Сходной семантикой обладают конструкции с предлогом *от* – см. Рахилина (2008: 45-48).

Доминантный финский:

(37) в "Калинке" применяется игровой **метод к обучения всех языков** (не-калька, выражается генитивной конструкцией, букв. «обучения метод»)

Доминантный английский:

(38) Я согласна с тобой, Жаклин, что пока у человека есть желание что-то изменить к лучшему, он непременно будет искать **решения к существующим проблемам** (калька *solution to*)

(39) Фильмы учили простые, моральные **уроки к жизни** (вместо урокам жизни, жизненным урокам)

В предложениях с ошибками, точно так же, как и в примерах с ненормативным ДЛЯ, искажается конструкция с абстрактным реляционным именем. Нам будут интересны, прежде всего, предикаты *метод*, *решение*, *урок*, встретившиеся в предложениях с ошибками, и имена, близкие к ним по значению (*способ*, *приём*). Нормативным способом оформления второго элемента конструкции является беспредложный генитив, некоторые конструкции допускают также предлог ДЛЯ, см. (40)-(42).

(40) Наиболее ценным методом для развития/методом развития умственных сил детей в период так называемого доучилищного обучения Одоевский считал беседу или «разговоры с детьми» [История педагогики (1981)]

(41) К тому же, шпаной не будучи, не были они и любителями решения конфликтов/??? для конфликтов кулачным боем. [Асар Энпель. *Aestas sacra* (1990-2000)]

(42) Для прославленного шахматиста М. М. Ботвинника проигранные партии всегда были «хорошей школой», наилучшим материалом для анализа, «самыми ценными уроками для совершенствования/уроками совершенствования в шахматной игре»; плодотворнее всего — «учиться на собственных ошибках» [Григорий Коган. *Работа пианиста* (1963)]

Как мы уже отмечали, появление предлога ДЛЯ свидетельствует о причинно-целевой семантике конструкций. И хотя К также обладает значением цели, использование этого предлога в конструкциях не допускается. Представляется, что такое поведение К вызвано его ограниченной сочетаемостью с именами действия (НОСС 2003), ср: *ножницы для стрижки овец* — **ножницы к стрижке*, *витамины для роста волос* — **витамины к росту волос*. Поскольку К прототипически обозначает конечный пункт, предлог употребляется в основном с предметными именами и реже — с абстрактными, ср: *пирог к чаю* — **пирог к чаепитию*, но *ложка к обеду*.

В современном русском управление с предлогом К допускает ограниченный класс имён, часть из них присоединяют К в фиксированных контекстах: *мера* (только в составе

идиомы *принять меры*: *принять меры к ликвидации пожаров*), *средство* (только в сочетании *средства к существованию*), *стимул* (*стимул к развитию экономики*), *шаг* (*шаг к примирению*), *попытка* (*попытка к бегству*), *тенденция* (*тенденция к снижению*), *подход* (*подход к управлению*), *толчок* (*толчок к развитию*), *подготовка* (*подготовка к подписанию*).

Для многих имён этого класса сочетаемость с К обусловлена особенностями деривации. Так, отглагольные имена этого класса способны присоединять К вследствие наследования модели управления производящего глагола, ср: *подходить к завершению* – *подход к завершению*, *готовиться к тестированию* – *подготовка к тестированию*. Заимствованные конструкции (*стимул*, *тенденция*), по-видимому, сохраняют модель управления иноязычного слова.

Однако есть другие, семантически близкие конструкции, которые не допускают появления К – к подобным сочетаниям относятся конструкции *метод*, *решение*.

Возможно, данная особенность сочетаемости связана с диахроническим изменением модели управления. Примеры из НКРЯ подтверждают эту гипотезу – действительно, в XVIII-XIX вв. данные конструкции допускали управление с предлогом К.

(43) Батенька-покойник, рассказывая, бывало, валяются от смеху, что пан Азенко привсенародно скушал такую большую дулю, а пан Букенко, все это придумавший и распорядивший, потешался крепко своим **методом к отмищению** за помешательство в выборе его в глуховские полковники. [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)]

(44) В канцеляриях же, которые не имеют права решать, а только обязаны пересматривать дела и просьбы для представления на заключение начальнику, который, в свою очередь, отсылает их в другое место для решения или пропускает **решения к исполнению** ... [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)]

(45) Сначала очень были скучны первые приготовительны **приемы к маршировке**, так называемая выправка. [Д. В. Григорович. Из «Литературных воспоминаний» (1892)]

Архаичная модель управления с предлогом К характерна также и для других конструкций, ср:

Способ

(46) В то время **к научению** мало было **способов**, да и не умели ещё чужим умом набивать пустую голову. [Д. И. Фонвизин. Недоросль (1782)]

Средство

(47) То же должно сказать и опоследующих правлениях; если иногда видна цель их правления и образ их мыслей, в отношении **средств к управлению государством** употребляемых [А. Н. Радищев. О законоположении (1801-1802)]

Причина

(48) Во время ее болезни граф замечает, что князь с излишней заботливостью участвовал в восстановлении ее здоровья; замечает страстные его взгляды, наблюдает все его поступки находит в них **причину к подозрению**. [Неизвестный. Истинное приключение благородной россиянки (1803)]

Таким образом, мы можем говорить об изменении сочетаемости в конструкциях с реляционными именами. Эритажные носители, в меньшей степени опирающиеся на нормы современного русского языка и в большей на семантику, как будто «догадываются» о семантическом потенциале предлога К, который они и реализуют в подобных конструкциях.

Наблюдаются также и другие ошибочные употребления с предлогом К – например, когда предложная конструкция обозначает объект чувств, отношений.

2.4.3. Предлог К в конструкциях с именами чувств

С одной стороны, нет ничего необычного в том, что объект отношения в таких конструкциях кодируется предлогом К, ср: *любовь к жизни*⁵, *равнодушие к моде*, *симпатия к юноше*, *сочувствие к людям*, *жалость к себе*. Такое оформление объекта не случайно, т. к. чувства являются адресными, направленными на какое-то лицо, а предлог К прототипически обозначает конечный пункт направленного движения.

Однако же, не все имена чувств сочетаются с предлогом К. Подобные исключения сложно увидеть на стандартном материале. И именно ошибки эритажников наглядно это показывают. В частности, примеры (49)-(51) иллюстрируют некоторые предикаты отношения, не сочетающиеся с предлогом К.

Доминантный финский:

(49) Я сама фильмы увидела только недавно, и так у меня нету **к ним особенной ностальгии**.

⁵ По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, любовь концептуализируется как метафора путешествия, а значит, исходное пространственное значение предлога К (конечного пункта движения) соотносится с такой интерпретацией (Лакофф/Джонсон 2004: 72-73).

Доминантный немецкий:

(50) *Так что я могу быть горда что **верность к моему родному языку** помогла мне набраться мужества и поступить в университет славистики имени Гумбольда*

Доминантный английский:

(51) *Тогда как интерес может быть слабым, любопытство - это неистощимый **голод к информации.***

Все предложения, кроме примера (50), являются не-кальками, ср. фин. генитивная конструкция *varauden kaiho* – *тоска/ностальгия по свободе*, англ. *hunger for* – букв. *голод для*, а не *голод к*. Пример (51), по-видимому, обусловлен интерференцией доминантного языка, ср. немецкое выражение *Treue zu* буквально переводится как *верность к*. На самом деле, в обоих случаях, независимо от того, калька это или нет, мы считаем, что подобные эритажные конструкции семантически мотивированы.

В стандартном русском объект отношения в этих конструкциях маркируется беспредложным дательным (*верность языку*), предлогом ПО (*ностальгия по дому*) или атрибутивной конструкцией (*информационный голод*). Такие тонкости предложно-падежного оформления менее семантически мотивированы, чем предлог К, имеющий прозрачную семантику конечного пункта. Именно поэтому эритажники заменяют альтернативные средства на более композиционный предлог К.

Подобные инновации с предлогом К наблюдаются и в детской речи. По аналогии с другими конструкциями отношения, оформленными предлогом К, дети-монолингвы восстанавливают этот предлог на месте беспредложных форм датива (52), генитива (53) или производного предлога *по отношению к* (54).

(52) ***Преданность к отчизне***

(53) *Мцыри никогда не оставляло сильное **желание к свободе***

(54) *Гринёв никогда не позволял себе **грубость к старику***

2.4.4. Предлоги О/ПРО как показатели темы

Предлоги О и ПРО, управляющие предложным падежом, в русском языке обычно выступают при глаголах речи (*рассказывать о себе/говорить про себя*) и ментальной деятельности (*думать о прекрасном*), а также предикатных именах с семой 'говорить' (*беседы о театре, отзыв о постановке; сказка про Федота-стрельца*). При этих предикатах предлоги О/ПРО вводят тему сообщения или размышления.

Заметим, что подобный способ оформления темы не единствен в русском языке. В ряде синонимичных конструкций тема кодируется другими средствами – например, предлогами НА и К (*говорить на тему; комментарий к фильму*) или винительным падежом (*обсудить что-л., рассмотреть что-л.*).

При таком маркировании семантика темы сопряжена с другими значениями – например, объектом действия, выраженным предлогом НА или аккузативом, или целью/предназначением, характерным для К.

Получается, что О/ПРО являются более простым средством выражения темы, т.к. именно это значение считается основным, см. (МАС 1984). Закономерно, что именно эти предлоги замещают другие показатели темы в текстах эритажников, поскольку они обладают более композиционной семантикой.

Доминантный английский:

- (55) *рассмотрение* в правительстве *о* вопросах иммиграции (вместо рассмотрение вопросов)
- (56) Глава Временного правительства Керенский *приказал о закрытии большевистских газет*, и это было именно то, чего ждал Ленин для начала военных действий (вместо приказал закрыть)

Доминантный финский:

- (57) Я нашла этот фильм через ютуб и решила посмотреть, так как *комментарии о фильме* оказались хорошими.
- (58) *Темы, о которых разговаривают* с кандидатами, очень отличаются.

Подобные употребления, очевидно, признаются аномальными для стандартного русского. Хотя ошибки при использовании предлога О в конструкции со значением речи и восприятия отнюдь не чужды современному языку.

По мнению М. А. Кронгауза,⁶ предлоги О/ПРО активно распространяются на другие глаголы речи и восприятия, оформляя объект размышления или сообщения: *мне пришло в голову о том, я указываю о чём-то*.

Пока такие употребления можно признать маргинальными, однако, есть вероятность, что постепенно такие инновации станут более частотными и, возможно, закрепятся в стандартном русском.

Склонность к замещению менее прозрачных способов кодирования темы отмечается и для другой категории носителей русского – а именно, для детей-монолингвов. Ср.:

- (59) *Я делюсь с мамой обо всём, что со мной происходит*.

В примере (59) глагол *делиться* выступает как глагол речи – предложение *я делюсь чем-то* означает ‘я рассказываю о чём-то’. По аналогии с другими глаголами речи (*говорить, рассказывать, беседовать* о), ребёнок восстанавливает предлог О.

⁶ Источник – интервью М. А. Кронгауза на радио “Свобода” (Лилия Пальвеева, “Чуткая семантика предлогов”, 16.04.2007 <http://www.svoboda.org/content/article/388123.html>)

Таким образом, и эритажники, и моноязычные носители стремятся к упрощению некомпозициональной конструкции с предикатами речи и восприятия.

Некоторые аномальные для современного русского конструкции раньше имели другую модель управления – с предлогом *о*. Например, глагол *рассмотреть* использовался с этим предлогом вплоть до XVIII-XIX вв. Согласно словарю русского языка XI-XVII вв. и корпусным данным, первоначально глагол *рассмотреть* относился к классу глаголов ментальной деятельности – его основным значением является ‘обдумать, размыслить’ (Словарь 1997):

- (60) Да питау ся сущими съде, и тыгда **рассмотрю о** невѣдомыхъ [*Изборник Святослава, 1073 г. Цит. по [Словарь 1997]*]
- (61) Нѣ идѣте, **рассмотрите о** вашемъ спсении и **о** будущи вѣчнѣи жизни [*Муч. Христофора, Цит. по [Словарь 1997]*]
- (62) А особливо повелено нам **разсмотреть о** здешних медных и железных заводах, каким бы образом его царскому величеству и государству оными прибытки размножить. [*В. Н. Татищев. Наказ комиссару уктусского завода Т. Бурцову (1721)*]
- (63) Избегал он также и обращений в Петербург и оставил даже Челюскину записку с предложением не ездить в столицу, добавив: "понеже Государственная Адмиралтейская коллегия и без тебя может **рассмотреть о** пути вашем" [*Б. Г. Островский. Великая Северная экспедиция (1937)*]

Причины изменения значения и замены более композиционального способа оформления аргумента на менее прозрачный вариант требуют дополнительного диахронического изучения.

3. Заключение и основные выводы

Мы проанализировали конструкционные ошибки в речи эритажных говорящих. Подведём некоторые итоги. Результаты исследования подтверждают, что эритажные носители, «ошибаясь», используют две основные стратегии. Первой стратегией является прямое заимствование конструкций из доминантного языка, т. е. калькирование. Вторая связана с образованием лексико-синтаксических единиц, не существующих ни в доминантном, ни в русском языке – так называемых не-калек.

Кальки представляют собой очень ценный материал для исследования. В принципе, эта стратегия используется эритажниками не случайным образом: как правило, калькированная конструкция употребляется тогда, когда она оказывается более семантически прозрачной.

Для нас наиболее интересными ошибками являются не-кальки. В частности, именно не-кальки выявляют базовые типы конструкций, на которые опираются эритажные

носители (ср. например конструкцию пути, конструкцию передачи и др.). Заметим, что «инновации», изобретаемые эритажниками, встречаются в речи других нестандартных говорящих: носителей просторечия, студентов, не вполне овладевших нормами академического письма, а также детей.

Материал не-калек может маркировать и случаи грамматической вариативности на синхронном уровне, а также тонкие различия в использовании квазисинонимичных лексических единиц – ср., например, сбои в употреблении датива и предлога ДЛЯ или выбор между предлогами О и ПРО.

Возможны случаи, когда не-кальки воспроизводят нормы предыдущего временного среза: такие нарушения возникают в конструкциях, претерпевших исторические изменения. Несмотря на сдвиг нормы, устаревшая конструкция сохраняет свой семантический потенциал, а эритажные носители его используют.

Литература

- Aleeva, Daria (2012): *Negative Transfer in The Writing of Proficient Students of Russian: A Comparison of Heritage Language Learners and Second Language Learners*. Master Thesis. Portland University.
- Benmamoun, Elabbas/Montrul, Silvina/Polinsky, Maria (2010): *White Paper: Prolegomena to Heritage Linguistics*. Harvard University.
- Dubinina, Irina (2010): How to ask for a favor: A pilot study in heritage Russian pragmatics. In: Mustajoki, A./Protassova, E./Vakhtin, N. (eds.): *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia 40, Helsinki: 418-430.
- Fillmore, Charles. J. (1968): The case for case. In: Bach, E./Harms, R. (eds.): *Universals in linguistic theory*. London: 1-25.
- Fillmore, Charles J. (1988): The mechanisms of ‘Construction Grammar’. Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society 14, 1988: 35-55.
- Fromkin, Victoria A. (ed.) (1980): *Errors in linguistic performance: Slips of the tongue, ear, pen, and hand*. San Francisco.
- Goldberg, Adele (2006): *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar*. Oxford.
- Janda, Laura (2002): *The Case Book for Russian, a coherent description of all the uses of all the cases with examples for linguists and learners*. A companion CD-ROM co-authored with Steven J. Clancy. Columbus, Ohio: Slavica.
- Laleko, Oksana (2010): *The Syntax-Pragmatics Interface in Language Loss: Covert Restructuring of Aspect in Heritage Russian*. Doctoral Dissertation.
- Montrul, Silvina A. (2012): Is the heritage language like a second language? In: Roberts, L./Lindqvist, Ch./Bardel, C./Abrahamsson, N. (eds.): *EUROSLA Yearbook*. Vol. 12. Amsterdam: 1-29.

- Montrul Silvina A. (2013): How native are heritage speakers? *Heritage Language Journal*, Vol. 10(2): 15-39.
- Odlin, Terence (1989): *Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning*. Cambridge Applied Linguistics. Cambridge.
- Pereltsvaig, Asya (2004): Agreement in the absence of Agreement: Gender Agreement in American Russian. In: Stojanović, D. (ed.): *Cahiers Linguistique d'Ottawa*. Special volume on Slavic psycholinguistics, Vol. 32. Ottawa: 87-107.
- Polinsky, Maria (1995): American Russian: Language Loss Meets Language Acquisition. In: *Formal Approaches to Slavic Linguistics. Cornell Meeting*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications: 370-406.
- Polinsky Maria (2006): Incomplete acquisition: American Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, Vol. 14: 191-262.
- Polinsky Maria (2010): Why Bother with Heritage Speakers? *First International Conference on Heritage and Community Languages*. UCLA, 2010.
- Protassova, Ekaterina (2007): Sprachkorrosion: Veränderungen des Russischen bei russischsprachigen Erwachsenen und Kindern in Deutschland. In: Meng, K./Rehbein, J. (Hg.): *Kindliche Kommunikation – einsprachig und mehrsprachig*. Münster: 299-333.
- Rakhilina, Ekaterina/Vyrenkova, Anastasia/Mustakimova, Elmira/Ladygina, Alina/Smirnov, Ivan (2016): Building a learner corpus for Russian. Proceedings of the joint workshop on NLP for Computer Assisted Language Learning and NLP for Language Acquisition at SLTC, Umeå, 16th November 2016. <http://aclweb.org/anthology/W16-65>.
- Апресян, Ю. Д./Богуславский, И. М./Июдин, Л. Л./Санников, В. З. (2010): *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва.
- Ахапкина, Я. Э. (2014): Причина пожару: приименной дательный в позиции родительного. В: *Слово. Словарь. Словесность: Русский язык в научном, культурном и образовательном пространстве (к 190-летию со дня рождения К. Д. Ушинского)*. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена: 38-42.
- Бонч-Осмоловская, А. А. (2003): *Дативный субъект в русском языке: корпусное исследование*. Дисс. канд. филол. наук – Москва, 2003.
- Вахтин, Н. Б./Головко, Е. В. (2004): *Социолнгвистика и социология языка. Учебное пособие*. Санкт-Петербург.
- Витцлак-Макаревич, К. (2004): Влияние языкового контакта «немецкий-русский» на русский язык ФРГ (на материале русскоязычных газет и журналов). Под ред. А. Мустайоки, Е. Протасовой. *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Хельсинки: Helsinki University Press, 2004 – с. 143-149.
- Виноградов, В. В. (1986³): *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*: Учеб. пособие для вузов. Москва.
- Гловинская, М. Я. (2001): Общие и специфические процессы в языке метрополии и

- эмиграции. В: Земская, Е. А. (Отв. ред.): *Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты*. Москва-Вена: 341-492.
- Голубева-Монаткина, Н. И. (2004): *Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века: Тексты и комментарии*. Москва.
- Голубева-Монаткина, Н. И. (1999): *Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде*. Москва.
- Земская, Е. А. (ред.) (2001): *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. (= «Венский славистический альманах» [Wiener slawistischer Almanach, Sonderband 53]). Москва, Вена.
- Долгих, Е. И. (2013): Эмиграция из России. *Электронный журнал «Полемика»*, вып. 9, 1995.
- Дубинина, И. Е./Полинская, М. С. (2013): Русскоговорящие американцы: лингвистические портреты. // *Язык в глобальном контексте*. М.: ИНИОН, 2013. – с. 95-123.
- Дубровина, И. В. (2004): *Предложные конструкции в аспекте когнитивной грамматики*. Дисс. к.ф.н. Ульяновск, 2004.
- Караулов, Ю. Н. (1992): О русском языке зарубежья. *Вопросы языкознания*, № 66: 5-19.
- Кибрик, А. Е. (1985): Типология и задачи описательной лингвистики. *Лингвистическая типология*. М., 1985 – с. 74-78.
- Кибрик, А. Е./Брыкина, М. М./Хитров, А. Н. (2004): Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2004»*. Москва: 265-275.
- Красильникова, Е. В. (ред.) (2001): *Русский язык зарубежья*. Москва.
- Кукушкина, О. В. (1998): *Речевые неудачи как продукт речемыслительной деятельности*. Дисс. доктора филол. наук, Москва.
- Лакофф, Дж./Джонсон, М. (2004): *Метафоры, которыми мы живем* (Пер. с англ./Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова). Москва.
- Малый академический словарь*. Ред.: А. П. Евгеньева, Москва 1957-1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984).
- Мустайоки, А. (2013): Разновидности русского языка: анализ и классификация. *Вопросы языкознания*, №5: 3-17.
- Мустайоки, А. (2004): Протасова Е. Быть русским и говорить по-русски. В: Мустайоки, А./Протасова, Е. (ред.): *Русскоязычный человек в иноязычном окружении*. Хельсинки: 5-13.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Второе издание, исправленное и дополненное. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена. (= Венский славистический альманах (Studia philologica)).

- Павлова, А. В. (2011): Речь русских эмигрантов и билингвов: ошибки или тренды? В: Цейтлин, С. Н./Елисеева, М. Б. (Отв. ред.) (2011): *Путь в язык: Одноязычие и двуязычие*. Сб. статей. Москва: 294-306.
- Подлеская, В. И./Кибрик, А. А. (2005): Самоисправления говорящего в устной монологической речи по данным корпусного исследования. В: Подлеская, В. И./Архипов, А. В./Ландер, Ю. А. (ред.): *Четвёртая типологическая школа. Международная школа по лингвистической типологии и антропологии*. Москва: 274-279.
- Полинская, М. С. (2010): Русский язык первого и второго поколения мигрантов, живущих в США. В: Mustajoki, A./Protassova, E./Vakhtin, N. (eds.): *Slavica Helsingiensia*, № 4. Хельсинки: 336-352.
- Протасова, Е. Ю./Родина, Н. М. (2005): *Многоязычие в детском возрасте*. Санкт-Петербург.
- Рахилина, Е. В. (1982): Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный). *НТИ*, сер. 2, 1982, N 2: 24-30.
- Рахилина, Е. В. (2008): *Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость*. Москва.
- Рахилина, Е. В. (Отв. ред.) (2010): *Лингвистика конструкций*. Москва.
- Рахилина, Е. В./Марушкина, А. С. Ошибки в речи херитажных говорящих (на материале текстов русских эмигрантов в США). *Проблемы онтолингвистики – 2013: Материалы международной научной конференции 26-29 июня 2013 г.*, СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013 – с. 435-439.
- Рахилина, Е. В./Выренкова, А. С./Полинская, М. С. (2014): Грамматика ошибок и грамматика конструкций: эритажный (унаследованный) русский язык. *Вопросы языкознания*, №3. Москва: 3-19.
- Рахилина, Е. В. (2014): Грамматика ошибок: в поисках констант. *Язык. Константы. Переменные. Памяти А. Е. Кибрика*. (Под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна (гл. ред.), С. Г. Татевосова, О. В. Фёдоровой). Санкт-Петербург: 87-96.
- Русакова, М. В. (2013): *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. Москва.
- Сай, С. С. (2011): Дативный субъект в конструкциях с предикативами на –о: присловная зависимость или компонент конструкции? *Материалы международной научной конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы»*. Санкт-Петербург.
- Словарь русского языка XI-XVII вв.* Вып. 22 (Раскидаться-Рященко)/Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – Москва, 1997.
- Фрей, А. (2006): *Грамматика ошибок*. (Пер. с фр. Е. Л. Пастернак, Д. В. Сичиनावы; вступ. ст. В. М. Алпатова). Москва.
- Ресурсы:

1. Russian Learner Corpus: <http://www.web-corpora.net/RLC/>
2. Национальный корпус русского языка: ruscorpora.ru
3. A Collection of Russian corpora: <http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>
4. Корпус русского академического письма:
http://web-corpora.net/RussianAcademCorpus/search/?interface_language=ru